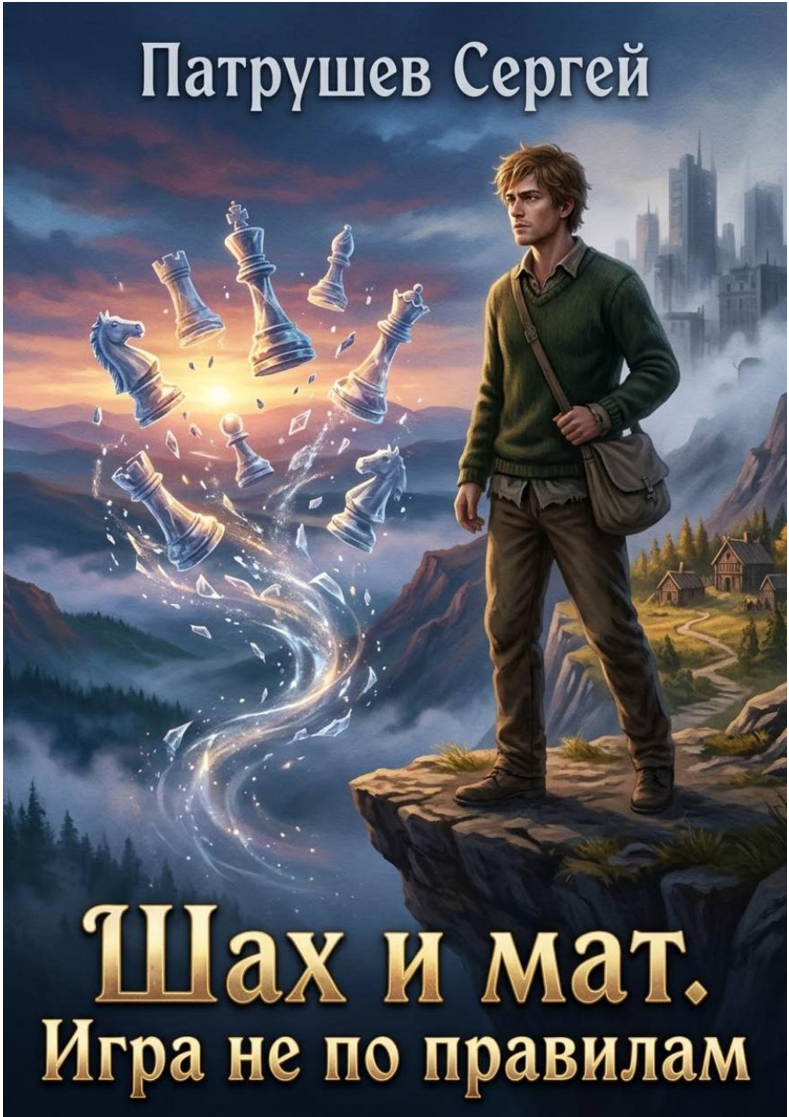
Патрушев Сергей

Шах и мат.
Игра не по правилам

Сергей Патрушев

Шах и мат. Игра не по правилам

https://litres.ru/74017408
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делает человек, когда жизнь превращается в бесконечный цугцванг, где любой ход лишь ухудшает положение?

Сергей знает ответ не понаслышке. Ему двадцать шесть, и он давно смирился с ролью пешки на чужой доске. Им помыкают, его обесценивают, в него не верят. Но порой достаточно одного точного хода, чтобы фигуры на доске судьбы перестроились заново. Когда чаша терпения оказывается переполнена, Сергей решается на бунт — не громкий и разрушительный, а тихий и точный, как хорошо продуманный шахматный дебют. Он оставляет за спиной офисные стены, ядовитые слова и целую жизнь, прожитую в угоду чужим ожиданиям, и отправляется на поиски себя настоящего. Этот путь проведёт его через молчание дачных рассветов, через забытые сны о дедовой мастерской, через мучительные вопросы о предназначении и тихую радость прощения.

Ведь настоящая битва разворачивается не за столом переговоров, а глубоко внутри, где предстоит поставить шах и мат собственным страхам и обидам.

Содержание

Глава первая. Завеса 5
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Сергей Патрушев
Шах и мат. Игра не по правилам

Глава первая. Завеса

Субботнее утро на даче пахло не просто свежестью, а какой-то первозданной, нетронутой тишиной, которая плотной завесой отгораживала этот деревянный домик от всего остального мира. Сергей проснулся не по будильнику, а от того, что солнечный луч, пробившись сквозь неплотно задернутые занавески, настойчиво грел ему щеку. Двадцать шесть лет — возраст, когда, по мнению окружающих, ты уже должен прочно стоять на ногах, но Сергей только вчера понял, что все это время он не стоял, а барахтался в болоте, куда его затянула чужая воля.

Он лежал, глядя в беленый потолок, и прокручивал в голове события пятницы. Еще позавчера он был винтиком, шестеренкой в механизме конторы, которой заправляла Раиса Аркадьевна — женщина с ледяными глазами и вечно поджатыми губами. Она называла его «медленным», «несообра-

зительным», и самым обидным было слово «балласт». Пять с половиной месяцев его держали официально, а остальное время — серой схемой, в сумме почти десять месяцев, где десять из них он, как выяснилось, все-таки проводил на рабочем месте, выполняя поручения, которые никто не хотел брать. Отпуска ему не давали ни разу, мотивируя тем, что «не заслужил». Год без передышки, год без просвета. И все это время внутри копилась не злость даже, а какая-то вязкая, липкая покорность судьбе. «Ты глупый, — звучал в ушах голос бывших однокурсников. — С твоим-то дипломом только курьером бегать. Ничего ты не добьешься, сядешь родителям на шею, так и будешь до тридцати лет жить в своей комнате, мамины котлеты трескать».

Он верил им. Верил до того самого момента, пока не понял одну простую вещь: шахматную партию не обязательно заканчивать разменом фигур, иногда достаточно одного точного хода, чтобы ферзь противника оказался в ловушке. Этим ходом стал разговор в кабинете Раисы Аркадьевны. Когда она в очередной раз начала отчитывать его за опоздание на пять минут, брызжа слюной и тряся перед его носом какой-то ведомостью, Сергей вдруг почувствовал, как спадают оковы. Не было ни дрожи в коленях, ни заискивающей улыбки. Он просто поднял на нее глаза и тихо, почти ласково сказал: «Раиса Аркадьевна, а давайте вы сейчас подпишете мое заявление по собственному, и мы забудем о том,

что почти год вы платили мне серую зарплату мимо кассы. Или, как вы говорили, „в конвертике для оптимизации“. Я подсчитал: это чуть больше трехсот тысяч рублей, с которых не уплачен налог. Думаю, в налоговой инспекции будет интересно узнать о вашей маленькой оптимизации, особенно с учетом того, что эти десять месяцев я работал полный день».

Повисла тишина, какая бывает только в центре урагана. Он видел, как багровеет и бледнеет ее лицо, как она открывает и закрывает рот, словно выброшенная на берег рыба. Сергей ожидал крика, угроз, но вместо этого она вдруг как-то сдулась. Вся ее многолетняя уверенность, державшаяся на страхе подчиненных, рассыпалась в прах. «Ты… ты не посмеешь», — прохрипела она. «Еще как посмею, — ответил Сергей, чувствуя, как откуда-то изнутри поднимается небывалая, пьянящая сила. — Двухнедельная отработка? Нет, мы закроем этот вопрос двумя днями. Сегодня и завтра я передаю дела, а в пятницу в обед меня здесь уже не будет». И она подписала. Молча, не глядя на него, словно обожглась. Он переиграл начальство, злую королеву, словно в шахматной партии, и поставил ей мат в два хода.

В пятницу за ним заехал батя. Старенький, видавший виды «Фольксваген» пах бензином и мятными леденцами. Олег, его младший брат, сидел на заднем сиденье и ухмылялся. «Ну что, Серега, бунт на корабле? Слышал, ты там

Наполеоном себя почувствовал», — хмыкнул он, но в глазах его не было насмешки, скорее, плохо скрываемое уважение. Батя, Михаил Иванович, мужчина немногословный, только крепче сжал руль и сказал просто: «Поехали, сынок. Картошка на даче сама себя не окучит, а голова твоя пусть проветрится». И они уехали. Пятница, день, который еще утром сулил ему серую кабалу, к вечеру обернулся запахом разогретого асфальта, мелькающими за окном подмосковными лесами и чувством невероятного, почти неприличного облегчения.

И вот теперь — суббота. Святая, пустая, ничем не занятая суббота. Его первый настоящий выходной, не обремененный мыслями о недоделанных отчетах. Сергей, наконец, встал, сунул ноги в старые шлепанцы и вышел на крыльцо. Участок был залит солнцем. В дальнем углу, возле покосившейся теплицы, Олег уже что-то строгал, а батя возился с мангалом, раздувая угли. От дома тянуло дымком и чем-то сдобным: мама, Ольга Николаевна, хлопотала на кухне.

Атмосфера с самого утра была какой-то предпраздничной. Не было натянутых разговоров, обычных для семейных сборищ, где все ходят вокруг да около, боясь задеть больную тему. Наоборот, новость о смелом увольнении Сергея словно разрядила воздух. Мама только всплеснула руками, узнав подробности, и перекрестилась: «Слава Богу, вырвался из

этого змеиного гнезда. Я уж боялась, ты там совсем здоровье подорвешь». Отец, как всегда, перевел все в практическое русло: «Отдохнешь пару недель, а там видно будет. Руки-ноги есть, голова на плечах — не пропадешь».

После полудня начали подтягиваться гости. Первыми приехали Кости. То есть, сначала раздался рев мотора, а потом из-за поворота, поднимая клубы пыли, вылетел новенький внедорожник Константина. Сам Кости, или Костя, был его давним другом, но настоящей душой их семьи была его жена, Мария. Именно ее все звали просто «кости жена Мария», потому что без нее Костя, высокий и немного неуклюжий инженер, терялся в пространстве. Мария же, миниатюрная брюнетка с вечно смеющимися глазами, выпорхнула из машины, держа в одной руке огромный пакет с фруктами, а другой поддерживая их пятилетнюю дочь Софью. Соня сразу же с радостным визгом умчалась вглубь участка изучать кусты смородины, похожая на яркий одуванчик в своем желтом сарафанчике.

Следом из машины грациозно выбралась Екатерина — дочь Марии и Константина от первого брака Марии. Кате было уже двадцать, и она была той редкостной красоты, которая дается не косметикой, а внутренней уверенностью и острым умом. Сергей знал ее с подросткового возраста и всегда немного робел в ее присутствии. За Катей, зевая и потягива-

ясь, вылез Лев, их восемнадцатилетний сын. Лев был классическим представителем своего поколения: в наушниках, с вечно недовольным лицом и смартфоном в руке, но в душе — добрый и отзывчивый парень.

«Ну, рассказывай, герой! — Мария по-свойски обняла Сергея. — Костя мне все уши прожужжал. Говорит, наш тихоня Серега местного мамонта к ногтю прижал!» Константин довольно загудел басом: «А я что говорил? Я всегда говорил, что у него стержень есть. Просто он его прятал от вежливости». Сергей смущенно улыбался, принимая поздравления. Ему все еще было непривычно ощущать себя не объектом для критики, а центром восхищения. «Да ладно вам, — отмахивался он. — Просто терпение лопнуло».

К обеду отец с Олегом накрыли большой стол прямо под старой яблоней. Мама вынесла свою коронную утку с яблоками, Мария нарезала овощной салат, а Константин занялся шашлыком, колдуя над мангалом с видом заправского шеф-повара. Запах жареного мяса смешивался с ароматом свежей зелени и спелых яблок, создавая тот самый, ни с чем не сравнимый букет дачного застолья.

Наконец, все расселись. Во главе стола, по традиции, сидел отец Михаил. По правую руку от него — мама Ольга, по левую — брат Олег. Сергей, как главный герой это-

го негласного торжества, устроился напротив. Рядом с ним, друг за другом, разместились Костя и Мария, которые постоянно переглядывались и улыбались друг другу. Маленькая Соня примостилась на коленях у мамы, требуя, чтобы ей немедленно положили «вкусную хлебную корочку». По другую сторону стола сидели Екатерина и Лев. Катя задумчиво крутила в пальцах яблоко, а Лев, отложив, наконец, телефон, с интересом прислушивался к разговору взрослых.

Разговор, как это часто бывает, какое-то время крутился вокруг бытовых мелочей: урожай огурцов, новая машина соседа, планы на лето. Но все чувствовали, что главная тема еще не поднята, что она висит в воздухе, словно спелое яблоко, готовое упасть. И паузу нарушила Мария.

«Сереж, а я вот чего не пойму, — начала она, отпив домашнего компота. — Тебе же все вокруг твердили, что ты не справишься. Что без этой работы ты никто. И образование у тебя, мол, „не то“. Как ты вообще дошел до мысли, что можешь вот так все бросить? Откуда силы взялись?»

Сергей отложил вилку. Он посмотрел на свои руки, которые еще помнили тяжесть офисных папок и прохладу металлической ручки двери, которую он закрыл за собой навсегда. «Знаешь, Маш, — он заговорил медленно, подбирая слова, словно камешки на берегу. — Мне двадцать шесть лет, и я

вдруг понял страшную вещь. Я не уважал себя. Совершенно. Я позволял этой… женщине вытирать об меня ноги, позволял так называемым друзьям считать меня дурачком. Я был удобным. Как старая шестеренка в часах: крутится, пока не сломается, и всем плевать, что она уже скрипит и просит смазки».

Он сделал глоток прохладного кваса, чувствуя, как легко ему говорить об этом сейчас, под этой яблоней, в кругу этих людей. «А потом я посчитал. Десять месяцев. Из них почти полгода я работал, как проклятый, без отпуска. И все это время меня кормили обещаниями и унижениями. И знаете, что стало последней каплей? — он усмехнулся. — Не деньги. Не усталость. А фраза. Когда я попросился на два дня к родителям на дачу, помочь бате с крышей, она сказала: „Какая дача, Сергеев? Ты в своем уме? Тебя никто никуда не отпустит, ты здесь нужен как рабочая единица, а не как мыслитель“. И вот тут у меня в голове что-то щелкнуло. Рабочая единица. Не человек. Не специалист. Единица».

Константин одобрительно крякнул. «В точку! — прогудел он. — Это у них называется „корпоративная культура“. А на деле — рабовладение с кофе-машиной».

«Погоди, Кость, — остановила его Мария. — Дай Сереже закончить».

«А дальше было просто, — продолжил Сергей. — Я вспомнил про серую зарплату. Вспомнил, что официально я получаю копейки, а основная часть шла мимо. И понял, что у меня в руках не просто козырь, а целый туз. Я ведь не скандалить собирался. Я просто решил, что пришло время уважать свои границы. И когда я сказал ей про налоговую, я не блефовал. Я бы пошел. Потому что нельзя так с людьми».

В наступившей тишине было слышно, как где-то вдалеке кукует кукушка. Отец Михаил, молчавший все это время, тяжело положил свою большую, мозолистую ладонь на стол. «Я тобой горжусь, сын, — сказал он просто, и эти слова, весомее всех остальных, прозвучали как приговор старой жизни и благословение новой. — Не тем горжусь, что ты начальницу напугал, а тем, что спину выпрямил. Уважать себя начал. Это главное».

Лев, который все это время внимательно слушал, даже снял наушники. «Сергей, — вдруг подал он голос, по-юношески ломающийся и немного писклявый. — А это правда было похоже на шахматы? Ну, как в кино?» Сергей повернулся к нему, улыбаясь. «Правда, Лев. Только в шахматах фигуры деревянные, а тут все было из плоти и крови. Но принцип тот же: ты видишь угрозу, просчитываешь ходы и не поддаешься эмоциям. Она думала, что я пешка, которую

можно просто так смахнуть с доски. А я сделал ход, которого она не ожидала».

Екатерина, которая до этого молча и пристально смотрела на Сергея, чуть подалась вперед. «А ты не боишься? — спросила она тихо, но ее голос разрезал теплый воздух, словно лезвие. — Ну, что те, кто смеялись над тобой, скажут: „Вот, опять без работы сидит, мы же говорили“?» Ее вопрос не был провокацией, скорее, проявлением ее собственной, внутренней борьбы, о которой Сергей мог только догадываться. Он посмотрел ей прямо в глаза. «Боюсь, Катя. Но это совершенно другой страх. Это не липкий ужас перед начальством, а такой, знаешь, бодрящий холодок перед прыжком в воду. Те, кто смеются, они же проецируют на меня свои страхи. Им сказали, что нужно терпеть, копить, дрожать, бояться остаться без гроша, и они поверили. А я больше в эту игру не играю. Я сам устанавливаю правила. Это и есть начало моей новой жизни».

Мама Ольга, украдкой смахивая слезу, подложила ему на тарелку еще один, самый румяный кусок утки. «Кушай, Сереженька. А то отощал на своей работе». И этот простой, материнский жест как будто поставил точку в серьезных разговорах. Все вокруг зашевелились, зазвенели бокалами с морсом и компотом, наперебой желая ему удачи и светлого будущего.

Светлое будущее… Сергей откинулся на спинку стула, слушая веселый гвалт, смех маленькой Сони, беззлобные подколы брата Олега над тем, как Лев пытается ухаживать за Катей. Он смотрел на отца Михаила, который с гордостью поглядывал на него, на маму Ольгу, чье лицо наконец-то разгладилось от морщин вечной тревоги, на друзей, которые не отвернулись, а наоборот, сплотились вокруг него. Суббота — день настоящего, глубокого отдыха. Не просто выходной от работы, а отдых от прошлой жизни, от старых обид и чужих оценок. Где-то там, в пыльном городе, осталась Раиса Аркадьевна, скорее всего, звонящая юристам. Остались бывшие коллеги, которые завтра будут судачить о его дерзости. Но все это было уже неважно.

Важно было другое: солнце, пробивающееся сквозь листву яблони, вкус домашней еды и это новое, щемящее чувство в груди. Чувство, что он, Сергей, двадцати шести лет, с «никчемным» образованием, как говорили злые языки, впервые в жизни живет по-настоящему. Он не просто переиграл начальство. Он переиграл саму судьбу, расставив фигуры на своей личной шахматной доске так, как нужно ему. И сегодняшняя суббота, этот тихий праздник под яблоней, была первой страницей его долгого, светлого и никем не прописанного будущего. Он сделал глоток прохладного компота и улыбнулся. Партия только началась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.